

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ: СМЕШЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ПОРОЖДАЕТ СТЕРЕОТИПЫ

РЕПЛИКА НА ОТЗЫВ МЭРИ МАКОЛИ

Виктория Шмидт

Думается, что автор не совсем права, приписывая мне враждебность. Я бы обозначила эмоциональную компоненту своего отношения к работе Мэри Маколи как возмущение и опасение. И ответ Маколи только усилил эти переживания, потому что обнаружил еще больше противоречий в ее позиции.

Маколи обращается к тем, кто принимает решения: не только к политикам, но и к общественникам, исследователям, публицистам. Я отметила диссонанс между начальным заявлением об адресате и завершающем абзацем книги, в котором Мэри Маколи прямо указывает на ключевую роль президента в реформе юстиции для молодых. Это впечатление только усиливается от указания Маколи на то, что книга предназначалась широкому кругу читателей. Но разве решения принимаются только на высшем уровне? В соответствии с логикой автора получается, что именно так.

Маколи не соглашается с моей оценкой ее позиции в отношении общества как пренебрежительной. Но какую роль обществу отводит сам автор? Маколи утверждает, что оно должно стать независимым контролером системы наказания. Но может ли общество выполнять задачу общественного контроля и обсуждать проблемы, если ключевой фигурой решения задачи присмотра за трудными детьми остается правительство? При каких условиях общество будет услышано? Этот вопрос остается без ответа.

В ответе Мэри Маколи формулирует и проблему, которой она занимается, а именно девиантное поведение и борьба с ним. Такая постановка вопроса в рамках дискуссии о ювенальной юстиции рискованна хотя бы потому, что содержит указание на очевидную стигму — «девиацию» (использование которой не раз становилась предметом предельно жесткой критики таких исследователей, как *Нахман Бен-Йегуда (1985)*, *Стенли Коен (1971)* и *других*). Постановка проблемы ювенальной юстиции как *борьбы* с девиантным поведением практически исключает возможность обращения к столь привлекательной для Маколи модели восстановительного правосудия, суть которого — в примирении пострадавшей стороны и обидчика на основе разделения ответственности между всеми участниками ситуации.

Мэри Маколи отрицает, что она отдает дань роли личности в истории. Между тем волонтеризм — тот фактор, который видится ей и благом, и злом российской политики. Удобное отношение к власти — особенно для того, кто работал в благотворительном фонде и, возможно, как и многие доноры, рассматривал признание инициативы властью как успех проекта. Такое отношение позволяет списать неудачи на правительство и не углубляться в изучение столь неоднозначного феномена общественных инициатив.

Книга Маколи представляет определенную точку зрения, весьма противоречивую, но понятную для тех, кто не знаком с современными дискуссиями о моделях ювенальной юстиции, от значимости которой она столь легко отказывается. Мне становится не по себе от перспектив применения рекомендаций автора, тем более что без ответа остались такие вопросы, как двойственность общественного мнения в России и необходимость анализа готовности социальной сферы развивать альтернативы лишению свободы.

Вынуждена согласиться с тем, что культура дискуссии (как и культура рецензирования) пока не вполне развита в России. Между прочим, и презентация книги Мэри Маколи в московском клубе «Билингва» больше походила на именины автора, чем на академическое обсуждение, хотя публикация этой книги вполне могла бы стать поводом для открытой и содержательной дискуссии. Однако Маколи лукавит, противопоставляя

мою «брутальную» критику академически выверенной западной традиции рецензирования. Так, Грэм Грилл в рецензии на другую книгу Маколи (*Soviet Politics, 1917–1991*) не скупится на жесткие комментарии в адрес неопределенности целевой группы читателей, провала аргументации объяснений исторических коллизий и так далее (Grill 1994). Так, Грилл указывает на непоследовательность и неадекватность логики изложения исторических событий, предложенной Маколи.

Надеюсь, что автор не отказывает мне в праве на жесткую критику не только по причине моего гражданства. Ирония не только допустима, но желательна при обсуждении неоднозначных вопросов — так, к примеру, утверждает Грег Майерс, британский эксперт в области современной академической стилистики (Mayers 2004). Излишний пафос сопровождает обсуждение социальных проблем в России, он мешает рефлексии и принятию многообразия разных точек зрения. И я признательна Мэри Маколи за готовность к дискуссии, которая, возможно, улучшит осознание специалистами неоднозначности проблемы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ben-Yehuda, Nachman. 1985. *Deviance and Moral Boundaries: Witchcraft, the Occult, Science Fiction, Deviant Sciences, and Scientists*. Chicago: The University of Chicago Press.

Cohen, Stanley. 1971. *Images of Deviance*. Harmondsworth: Penguin.

Graeme, Gill. 1994. "Review of: Mary McAuley, *Soviet Politics, 1917–1991*, New York and Oxford: Oxford University Press, 1992." *European History Quarterly* 24: 456–458.

Mayers, Greg. 2004. *Matters of opinion: talking about public issues*. Cambridge University Press.